

культуры на этнографический уровень (утрата письменного языка, диффузия веручительной и обрядовой сторон богослужения ввиду безграмотности священства и под воздействием католической и фольклорной традиций и т.д.).

Ко времени разделов Речи Посполитой её русское (в этническом отношении) население окончательно утратило основные идентификационные признаки и механизмы, «растворившись» в польской культурной среде. Этнографические «реликты» русской культуры, оставшись лишь в крестьянском обиходе, стали настолько фрагментарны и настолько пропитаны стихийным в народе язычеством и обрядоверием, настолько искажены католическим и протестантским влияниями, что в известной степени растождествились и уже никак не могли служить основой для этнокультурного самоопределения. Поэтому в этот период в самоидентификационной парадигме западнорусов ослабевает конфессиональная составляющая и усиливается этнологическая.

Итак, события, размежёвывающие отдельные периоды бытия православной культуры на белорусских землях, отнюдь не однотипны и не могут быть приведены к единому основанию; тем не менее, выстроенная на их основе периодизация не только адекватно очерчивает этапы формирования культурно-самоидентификационной парадигмы нынешних белорусов, но и во многом объясняет специфику современной белорусской культуры.

1. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 253 с.
2. Шильман М. Абстракции в хронологии и периодизации истории [Электронный ресурс] // Периодизация. – режим доступа: <http://abuss.narod.ru/texthtml/Periodization.htm>. – Дата доступа: 20.02.2018.
3. Шкловский, В.Б. Энергия заблуждения / В.Б. Шкловский. – Москва: Советский писатель, 1981. – 351 с.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КООПЕРАЦИИ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)

Е.В. Дианова (Петрозаводск, Россия)

В исторической науке в процессе пересмотра базовых методологических установок на смену марксистско-ленинскому идеологическому принципу пришли иные сциентистские позиции. Изменение исходных концептуальных схем и моделей в постановке наиболее острых и значимых проблем привело к интенсивному поиску новых научных и методологических подходов и методов их решения. В историко-антропологических исследованиях «на первый план вышли социально-культурная практика и социальная мотивация человеческого поведения» [7, с. 26], в том числе участие в общественных организациях, обеспечивавших удовлетворение материальных и духовных потребностей. Отход от односторонней схемы изучения исторических событий, процессов и явлений благотворно сказался на изучении многих социальных институтов, в том числе кооперации и кооперативного движения, и позволил ученым значительно расширить их методологическую базу исследований.

Современная научная парадигма позволяет рассматривать исторические явления с точки зрения междисциплинарного познания исторических фактов, событий и процессов. Междисциплинарный подход предложили основатели школы «Аналлов» Марк Блок и Люсьен Февр. Они «придавали особое значение преодолению перегородок между разными сферами интеллектуального труда и призывали каждого специалиста пользоваться опытом смежных дисциплин». М. Блок и Л. Февр «видели в полидисциплинарном подходе к прошлому один из важнейших элементов всей научной стратегии» [8, с. 8].

На базе интегрального междисциплинарного подхода появилась «новая историческая наука». Ее представитель Фернан Бродель, признанный лидер школы «Аналлов», отмечал, что «материальная цивилизация» зависит от многих факторов, связанных с «духовной жизнью и разумом» людей. В структуры повседневности входит как материальная, так и духовная культура.

Среди историков также все большее признание получает представление о том, что «все сферы общественной жизни (экономическая, социальная, политическая), социальные структуры и процессы имеют культурно-историческую обусловленность». Сейчас вектор исторической антропологии направлен в сторону культурологической истории, «новой культурной истории» [5, с. 185]. В рамках «новой культурной истории» социальные, экономические и даже политические процессы изучаются за пределами собственно истории культуры. Дело дошло до того, что западные историки «приучились использовать термин “культура” в его расширенном смысле». Расширение границ культуры привело к тому, что экономические и политические явления «все чаще объясняют в терминах культуры [cultural explanation]» [2, с. 64-65].

Данный комплексный подход, при котором понятия экономики и культуры рассматриваются во взаимосвязи, был заложен основоположниками русской кооперативной мысли. Так, А. А. Николаев, лектор по кооперации университета А. Л. Шанявского, заявлял: «Кооперация и культура неразрывно связаны друг с другом уже по одному тому, что сама кооперация, как новое явление народно-хозяйственной жизни, становится возможной при условии известной материальной и духовной культуры страны» [6, с. 19].

При осуществлении междисциплинарных связей важным элементом выступает соотношение культуры и исторической психологии, поскольку «изучение духовной жизни общества с необходимостью включает выявление психологических характеристик, условий формирования сознания, ценностных ориентиров, идеалов, определяющих поведение и поступки участников исторических событий. Методология междисциплинарных исследований позволяет понять психологические, социальные и духовные явления общества в их развитии и взаимосвязи. Комплексный подход предполагает всесторонне изучение исторического явления на основе сочетания различных письменных, этнографических, лингвистических, фольклорных источников, ономастики и сведений из сопредельных гуманитарных наук.

Междисциплинарный подход, основанный на заимствовании теорий и методов истории, культурологии, искусствоведения, филологии, педагогики и психологии является весьма эффективным для выявления и описания различных направлений культурно-просветительной деятельности кооперации.

Основным содержанием культурно-просветительной деятельности кооперативов являлось кооперативное просвещение, что подразумевало воспитание и формирование кооперативной психологии (менталитета) путем усвоения главных кооперативных принципов (взаимопомощь, справедливость, солидарность, демократия, равенство). Кооперативные нравственные ценности как основа кооперативного сознания были сформулированы еще в момент зарождения кооперации в России и Западной Европе. Кооперативное сознание было одной из форм общественного сознания населения первых десятилетий XX в. и отражало масштабы кооперативного движения в стране.

Изучение кооперативной психологии или кооперативного менталитета осуществляется в рамках историко-антропологических исследований на основе междисциплинарного синтеза таких гуманитарных наук, как политическая, социальная, историческая и экономическая психология. Если принять во внимание высказывание М. А. Барга, согласно которому «во всех проявлениях общественного сознания так или иначе отражается движение социальной природы человека», то следует сделать вывод о том, что кооперативное сознание отражало социальную сущность кооперации. В то же время это была форма «духовного самовыражения» социальной общности, объединявшей участников кооперативного движения, в рамках конкретной исторической эпохи. Она была отмечена «печатью одной и той же ментальности, т.е. одними и теми же «ключевыми» представлениями, которые, образуя ядро господствующей идеологии, вместе с тем с помощью доступных данной эпохе средств распространения информации внедряются в массовое сознание и превращаются в повседневные представления» [1, с. 7, 15].

Изучение эволюции кооперативного движения дает возможность выявить влияние кооперативных идей на сознание определенных групп населения, в том числе интеллигенции, ставшей инициатором создания кооперативных обществ среди крестьянства. «Культурологический» поворот и сформировавшийся на его основе социокультурный подход позволяют раскрыть не только механизм взаимодействия кооперативных объединений с различными социальными стратами в процессе их деятельности в области культуры и просвещения, но и обнаружить результат воздействия кооперативных идей на рядовых членов кооперативов и воплощение их в наименовании обществ и артелей.

В историко-антропологических исследованиях применяются методы семиотики, предметом которой являются знак и знаковые системы, в которых закреплены социокультурные представления, ценности, принципы, нормы. «Знаки выполняют роль символов, в которых кодируется информация о мироустройстве в его человеческом восприятии. Благодаря существованию знаковых систем осуществляется трансляция культурного опыта, социальное и культурное взаимодействие в обществе» [7, с. 53].

Расширение предметного поля исторических исследований допускает использование данных лингвистики и ономастики для изучения эргонимов, наименований артелей и товариществ. Название кооператива выступало как конкретный символ, знак, в котором были закодированы идеи кооперации и значение кооперативного объединения для его членов, поскольку «у каждого небольшого профессионального коллектива, у каждой группы со своей культурой или судьбой есть особая система выражения» [3, с. 90].

Междисциплинарный подход оказался востребованным при изучении сценической деятельности кооперативных драматических кружков, для чего привлекались исследования по искусствоведению, истории театра и народного театрального творчества. В первой трети XX в. среди различных способов и форм организации разумных развлечений, пропаганды кооперативных и агрономических знаний большое внимание уделялось кинематографу. Кооперативный кинематограф неотделим от истории кино в целом, историческая реконструкция работы кооперации по кинофикации городов и сельской местности осуществляется на основе истории кино и киноискусства.

Изучение создания и функционирования кооперативных библиотек будет наиболее эффективным при интеграции общих сведений по истории библиотек и библиотечного дела, а исследование кооперативной периодики и издательской деятельности кооперации должно происходить с учетом развития отечественной журналистики, истории цензуры, книгоиздательства. В рамках «новой культурной истории» и культурно-исторической антропологии при изучении кооперативных библиотек вполне уместно обратиться к изучению истории чтения как одной из культурных практик вообще. В России существовала традиция организации народных чтений и громких чток газет, художественной литературы и научно-популярных изданий.

Антропологический и «культурологический» повороты затронули и историю экономики, при этом «история общественно-экономических формаций и производства трансформировалась в историю предпринимательства и предпринимателей» [4, с. 79]. В настоящее время значительно расширилось применение биографического метода, когда наряду с обращением к жизни и деятельности «сильных мира сего» – императоров, царей, великих князей, известных ученых, «растет число индивидуальных жизнеописаний людей, которых никак не назовешь выдающимися историческими деятелями» [9, с. 263].

К ним относятся работники кооперативных организаций, представители демократической интеллигенции, которые в ходе своей кропотливой и подчас незаметной работы в области культуры и просвещения выполняли важную просветительскую миссию. Выявление активных участников кооперативного движения, представителей различных социальных групп общества, изучение их роли в повышении культурного и образовательного уровня кооперированного населения вносит немалый вклад в историю культуры российской провинции.

Культурно-просветительную деятельность кооперации нельзя изучать без применения методов новой локальной истории, краеведения, регионоведения, регионалистики и региональной истории. Все события, происходившие в кооперативных организациях на местах, отражали общие процессы в кооперативном движении страны, что было обусловлено государственным регулированием и законодательным обеспечением работы кооперативов в области культуры и просвещения в первой трети XX века.

Таким образом, междисциплинарный подход в познании конкретного исторического явления, к которому относится непосредственная работа кооперативных организаций в области культуры и просвещения, позволяет решать научно-исследовательские задачи на стыке истории и других научных дисциплин. В данном случае прошлое рассматривается как целостная историческая реальность, за счет интеграции знаний предметного характера достигается его полное описание, объяснение и понимание.

1. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – Москва: Мысль, 1987. – 348 с.
2. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история / П. Берк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – С. 64–91.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – Москва: Наука, 1986. – 254 с.
4. Керов В. В. «Антропологический поворот» экономической истории России в исследованиях Ю. А. Петрова / В. В. Керов // Российская история. – 2015. – № 3. – С. 78–89.
5. Кром М. М. Историческая антропология / М. М. Кром. – Санкт-Петербург, Москва, 2010. – 214 с.
6. Николаев А. А. Кооперация и культура / А. А. Николаев // Кооперативная жизнь. – 1918. – № 1. – С. 19.
7. Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях / О. С. Поршнева. – Екатеринбург, 2005. – 136 с.
8. Репина Л. П. Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра ... / Л. П. Репина // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого / Под ред. Л. П. Репиной. – Москва: Аспект Пресс, 2003. – С. 5–18.
9. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – Москва: Дрофа, 2006. – 288 с.

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США: СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

С.М. Пик (Львов, Украина)

Международные отношения во многом определяются личностными характеристиками лидеров государств, которые осуществляют внешнюю политику своих стран на международной арене. И чем выше позиция государства в международной иерархии, тем внимательнее к мнению его главы прислушивается сообщество. Например, высказывания президента США Д. Трампа по многим актуальным вопросам международных отношений вызывают если не резонанс, то по крайней мере дают почву для размышлений в среде экспертов. Разумеется, высказывания президента и проводимый государственным департаментом США внешнеполитический курс – вещи не совсем тождественные, все же влияние президента на внешнюю политику остается огромнейшим. В этом контексте интересно узнать, как личностные характеристики главы государства влияют на процесс принятия внешнеполитических решений.

Исследования такого рода носят междисциплинарный характер: анализ внешней политики и история международных отношений дают понимание обстоятельств, в рамках которых принимались внешнеполитические решения, а психология помогает определить роль личностного фактора в принятии этих решений.

В основе методологии исследования – антропологический и бихевиористский подходы к восприятию международных отношений сквозь призму поведения личности, пребывающей у власти. Использование общих философских и исторических методов конкретизируется с помощью методов анализа: дескриптивного и сравнительного анализа, анализа иерархических процессов, анализа принятия политических решений. Что касается личностного фактора, то для определения его влияния наиболее уместна пятифакторная модель (англ. Five Factor Model), разработанная во второй половине 1980-х гг. американскими психологами Полем Коста (P. T. Costa, jr.) и Робертом МакКре (R. R. McCrae) [5]. Модель сводит личностные характеристики индивида в пять основных факторов: *открытость опыту*, *сознательность*, *экстраверсию*, *добросовестность*, *невротизм* (англ. Openness to Experience, Conscientiousness, Extroversion, Agreeableness, Neuroticism – OCEAN). Каждый фактор представляет собой абстрактное ото-